

Научная статья

УДК 343.01

doi: 10.46741/2713-2811.2022.19.4.008

Уровни механизма уголовно-правового запрета

НАИЛЬ ТАЛГАТОВИЧ ИДРИСОВ

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Россия, nail070@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2310-7081>

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме механизма уголовно-правового запрета. Автор обосновывается существование индивидуального уровня механизма уголовно-правового запрета, предлагается рассматривать данное правовое явление не только с позиции государственно-властного веления, но и учитывать достижения юридической психологии и антропологии уголовного права. Такой подход позволяет выявлять свойства и сущность механизма уголовно-правового запрета не только в статике, но и в динамике. Автор приходит к выводу о высокой значимости учета уровней механизма уголовно-правового запрета в процессе законотворчества и правоприменения для обеспечения гармоничного социального общежития.

Ключевые слова: уголовно-правовой запрет; антропология; норма права; уголовный закон; юридическая психология; принципы уголовного права; механизм уголовно-правового запрета; уголовно-правовое регулирование.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Идрисов Н. Т. Уровни механизма уголовно-правового запрета // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2022. № 4 (19). С. 74–81. doi: 10.46741/2713-2811.2022.19.4.008.

Original article

Penal Prohibition Mechanism Levels

NAIL' T. IDRISOV

Saint Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Saint Petersburg, Russia, nail070@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2310-7081>

Abstract. The article presents the author's arguments about the topical problem of the penal prohibition mechanism. The author substantiates the existence of an individual level of the penal prohibition mechanism, proposes to consider this legal phenomenon not only in terms of state-imperious command, but also with regard to achievements of legal psychology and anthropology of criminal law. This approach made it possible to identify properties and essence of the penal prohibition mechanism not only in statics, but also in dynamics. The author comes to the

conclusion about the high importance of considering penal prohibition mechanism levels in the process of lawmaking and law enforcement to ensure a harmonious social community.

Key words: penal prohibition; anthropology; rule of law; criminal law; legal psychology; principles of criminal law; penal prohibition mechanism; criminal law regulation.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Idrisov N. T. Penal prohibition mechanism levels. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2022, no. 4 (19), pp. 74–81. doi: 10.46741/2713-2811.2022.19.4.008.

Экстраординарное уголовно-правовое регулирование, которое мы можем наблюдать на современном этапе развития российской государственности, связано в первую очередь с резким возрастанием роли уголовно-правового запрета как инструмента государственного управления и контроля.

Только по состоянию на 1 августа 2022 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации уже были внесены изменения одиннадцатью федеральными законами и в двух постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации было предписано федеральному законодателю внести в действующее правовое регулирование изменения, вытекающие из этих постановлений. Подавляющее большинство поправок связано с криминализацией деяний, то есть с легализацией новых уголовно-правовых запретов, в том числе в тех сферах социальной реальности, которые ранее не предполагали уголовно-правового регулирования.

Результатом активной правотворческой деятельности законодателя в указанный период стала легализация новых девяти уголовно-правовых запретов, закрепленных в отдельных статьях закона; дополнительные квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки предусмотрены в ст. 131, 132, 242, 242.1, 261, 274.2, 275, 280.3 УК РФ; ряд статей уголовного закона дополнены новыми частями: ст. 133, 116.1, 208, 286, 302 УК РФ.

Для сравнения: за истекший 2021 г. законодатель предусмотрел три новых состава преступления, закрепив в ст. 171.5, 222.2, 264.2 УК РФ.

Если сравнивать предыдущий год и первые восемь месяцев текущего года, то активность законодателя по легализации новых уголовно-правовых запретов в отдельных статьях уголовного закона повысилась в три раза.

Уголовно-правое регулирование общественных отношений набирает силу. Это становится ясно даже при не вооруженном научными познаниями взгляде. Очевидно, что легализация уголовно-правовых запретов – это не цель уголовно-правового регулирования, государство прямо заинтересовано в эффективности новых уголовно-правовых положений. Чтобы понять, как обеспечить эффективную реализацию уголовно-правовых запретов, необходимо уяснить их природу и механизм функционирования.

С. А. Маркунцов определяет уголовно-правовой запрет, признавая двойственный характер его социально-правовой природы. Автор отмечает: «С одной стороны (в первом значении), это формальное государственно-властное

веление нормативного характера, содержащее обязанность лица не совершать (воздержаться от совершения) общественно опасное деяние, признаваемое уголовным законом противоправным, которое, будучи воспринятым адресатами как «отрицательная обязанность», интерпретирует общественные отношения сквозь призму механизма уголовно-правового воздействия. С другой стороны (во втором значении), это нормативно-правовое предписание, законодательная конструкция, закрепляющая все возможные варианты (модели) преступного поведения, признаваемого в соответствии с уголовным законодательством противоправным в конкретно-исторический период, являющееся элементарной, самостоятельной, цельной, логически завершенной ячейкой в контексте уголовного права» [8, с. 11–12].

Если обратить внимание на те свойства запрета, которые выделяет С. А. Маркунцов, то можно заключить, что, по сути, автор сводит данный правовой феномен к нормативному явлению, которое непосредственно связано с текстом законодательного акта.

С позиции теории права о нормативном свойстве запрета писал В. М. Горшенев: «Нормативное свойство запрета состоит в том, что в нем содержится предписание воздерживаться от поведения, которое возможно при тех или иных обстоятельствах, но является нежелательным в интересах общества либо чуждым и вредным для него. Иначе говоря, запрет указывает на то, как нельзя себя вести, как недопустимо поступать; тем самым определяется негативное отношение к такому поведению» [4, с. 51].

Представляется, что определение уголовно-правового запрета только через призму его нормативности раскрывает данное явление лишь с одной стороны, сужает его функциональность, не раскрывает природы данного явления.

На наш взгляд, уголовно-правовой запрет нужно трактовать не только в статике (пассивное состояние) как нормативно закрепленное государственно-властное веление, но и в динамике (активное состояние) – через механизм уголовно-правового запрета, под которым понимается использование совокупности психологических, социальных и правовых инструментов в целях достижения основной цели уголовно-правового запрета – законопослушного поведения граждан. При этом различается содержательное наполнение механизма уголовно-правового запрета на индивидуальном и публичном уровнях.

Если раскрывать механизм уголовно-правового запрета по аналогии с механизмом уголовно-правового регулирования, то это предполагает акцент внимания на государственной власти с выходом на публичный уровень определения механизма уголовно-правового запрета. Такой подход соответствует нормативистской концепции уголовно-правового запрета. Однако не обосновано исключать человека из сферы права, в том числе уголовного. Невозможно определить сущность и механизм явления, направленного на упорядочивание поведения индивида, без учета самого индивида.

Уместно напомнить позицию Л. Н. Толстого, который обращался к нравственному началу индивидуума и генеральному значению этого начала для

уголовного вопроса, указывая, что «всякий человек, сделавший дурное, уже наказан тем, что лишен спокойствия и мучается совестью. Если же он мучается совестью, то все те наказания, какие могут наложить на него люди, не исправят его, а только озлобят. Действительное наказание за каждое дурное дело – это то, которое совершается в душе самого преступника и состоит в уменьшении его способности пользоваться благами жизни» [3, с. 90].

Человек не должен исключаться из права как целостного явления. Индивидууму в праве предоставлена лишь роль субъекта уголовного правоотношения. Однако следует заключить, что современная динамика развития и изменения государственности и социальной реальности, те трансформации, которые происходят в глобальном, региональном и местном масштабах, влекут необходимость пересмотра сущности права, требуют включения в право человека в его философско-антропологическом смысле. С. А. Бочкарев верно утверждает: «Индивид как своего рода их (систем права) “разрушитель” – носитель не только рационального, но и иррационального – был намеренно выведен юристами за пределы структуры права. Ему отведено место в узкоспециальной теории правоотношений, в которой само собой разумеющимся считается, что система отношений субъектов права должна быть подчинена очередному нормативистскому императиву – безусловному подчинению единичного (частного) общему» [3, с. 76].

А. Г. Безверхов обоснованно включает субъекта права также в структуру нормы права, придавая данному субъекту более весомую роль в праве (наряду с характером нормы, ее содержанием и условиями приложения) [2, с. 84].

Представляется, что формирование механизма запрета начинается в структуре психологии человека, именно там создается инструментарий уголовно-правовых запретов, основывающихся на нормах морали, религии и являющихся результатом воспитания и формирования индивида как социального атома и личности.

Механистическое формирование уголовно-правовых запретов без учета культурных, исторических, религиозных и иных истоков мировоззрения индивида приводит к неэффективности предписаний. Иными словами, механизм уголовно-правового запрета в первую очередь включает элемент психологического развития личности.

Следует согласиться с Е. А. Лукашевой, которая заключает, что «без элементов правовой психологии невозможны ни формирование идеологии, ни ее действительная роль в жизни общества... Только сфера психики непосредственно связана с действием идей. Идеи только тогда становятся силой, заставляют людей действовать, когда они преломляются в их психике, в их чувствах настроениях, воле, в их симпатиях и антипатиях, влечении и отвращении» [1, с. 30].

В отечественной теории юридической психологии принято выделять психологию уголовной ответственности, предметом которой называются психологические процессы и явления, способствующие совершению преступления. Данная отрасль знания изучает психические механизмы криминального поведения.

По нашему мнению, данное представление о психологии в уголовном праве необоснованно сужено, поскольку не рассматривает аспекты психологического обоснования позитивного поведения, когда психические образы и состояния обеспечивают законопослушное поведение субъекта.

Так, О. М. Шабалин, определяя структуру юридической психологии, выделяет в ней общую и особенную части. В общей части этот автор определяет предмет и метод, основные понятия и принципы психологического конструирования процессов в праве, в особенной части – такие разделы, как криминальная психология (психология лица, совершившего преступление), далее, исходя из стадий уголовного процесса, психология предварительного следствия, судебная психология, пенитенциарная психология, а также психология организованной преступности и психология юридического труда [12, с. 7–8].

Автором беспричинно исключены из важнейших разделов психологии психические процессы, образы и явления, которую мы бы определили как психологию законопослушного поведения, в том числе психологию соблюдения запретов.

Методологически верной является точка зрения А. Р. Ратинова, который шире определил предмет юридической психологии, включив в него психические явления, механизмы, закономерности, связанные с возникновением, изменением, *исполнением* (курсив наш – *Н. И.*), нарушением и применением права [10, с. 52–54].

М. И. Еникеев утверждал: «Психика – субъективное, сигнальное, социально обусловленное отражение действительности в системе идеальных образов, на основе которых осуществляется активное взаимодействие человека со средой. Психика осуществляет функцию ориентации и регуляции деятельности, поведения человека... Психика обеспечивает избирательные контакты субъекта с действительностью в зависимости от системы потребностей и распознавания в среде того, что удовлетворяет эти потребности. Психика – сигнальное отражение действительности...» [5, с. 23–24].

Таким образом, человек, включенный в структуру права, также является составной частью механизма запрета, осуществляя самоконтроль и соблюдая правила поведения в обществе.

Механизм запрета на личностном (индивидуальном) уровне сводится к созданию психологических, моральных, нравственных (внутренних) императивов, обеспечивающих соблюдение сложившихся в обществе стереотипов позитивного и девиантного поведения.

Предложенный подход отражает связь механизма запрета как с законопослушным, так и с преступным поведением. В. Н. Кудрявцев писал: «Непосредственным источником волевого акта является взаимодействие конкретной жизненной ситуации и свойств личности» [7, с. 38–39].

П. С. Тоболкин в развитие данного тезиса указывал: «Конкретная жизненная ситуация, таким образом, всегда предшествует преступлению. Нам представляется, что именно названная ситуация и является применительно к нормам советского уголовного права тем юридическим фактом, который порождает возникновение уголовно-правовой обязанности совершать или не совершать запрещенные уголовным законом деяния» [11, с. 46].

В толковом словаре С. И. Ожегова значение слова «запретить» определяется как «не позволить что-нибудь делать; признав общественно вредным, ненужным, не допустить к применению, пользованию» [9, с. 334].

На личностном уровне основным инструментом механизма уголовно-правового запрета является личное веление, собственное решение и его соблюдение не совершать деяния, в том числе относящиеся к категории преступлений.

В связи с предложенным решением нельзя исключить возможное обоснованное возражение в связи с нереальностью учета психологии и психики, а также других особенностей каждого индивидуума, как следствие – и вывод об отсутствии универсального механизма уголовного запрета на индивидуальном уровне.

Понятно, что личностный уровень механизма уголовного запрета базируется на свободной воле человека, соблюдающего уголовно-правовой запрет, его сознательно-волевая деятельность обеспечивает успешную реализацию уголовно-правового запрета. В то же время общеизвестно, что далеко не каждый субъект способен к полноценной и перманентной саморегуляции.

Следует также отметить, что такое уголовно-правовое явление, как рецидив преступлений, является подтверждением тезиса о том, что сознательная волевая психическая деятельность не может обеспечить полное соблюдение уголовно-правовых запретов, даже после применения в отношении субъекта мер принуждения. Как справедливо замечает И. Я. Козаченко, «миллионы людей за свои прегрешения прошли через эшафоты, гильотины, виселицы, электрические стулья, но их места занимали другие, и так до бесконечности» [6, с. 60].

При этом в русле размышлений об уровнях механизма уголовно-правового запрета обоснованным видится следующее рассуждение именитого ученого: «Если человек есть система энергий, то не получается ли так, что часть энергии имеет внутренний, часть внешний, а часть – одновременно и тот и другой источник подпитки; часть энергии реализуется внутри человека, часть – вовне, а часть – одновременно и там, и там; часть энергии находится под контролем сознания и воли человека, часть вне этого контроля, а часть – одновременно и под контролем и вне его...» [6, с. 60].

Применяя положения, сформулированные И. Я. Козаченко, к механизму уголовно-правового запрета на индивидуальном уровне, можно заключить, что психические процессы и явления, составляющие сознательную сторону жизнедеятельности человека, способны обеспечить реализацию механизма уголовно-правового запрета исключительно на его сознательно-волевых свойствах (реализация уголовно-правового запрета на личностном уровне).

Когда «внутренняя энергия» (то есть способность к саморегуляции) человека не способна обеспечить соблюдение основных постулатов безопасной совместной социальной реальности, должны быть внешние механизмы, которые являются внешней энергией сознания и воли человека. Такая энергия создается и обеспечивается принудительной силой государства, призванного обеспечить сохранность социальных связей и индивидуумов как первоисточник существования государственности.

Безусловно, индивидуальный уровень уголовно-правового запрета не является единственным уровнем механизма уголовно-правового запрета. Предполагается, что при недостижении целей механизм уголовно-правового запрета прибегает к его публичному уровню, который гармонично сочетается с индивидуальным уровнем. Оба уровня располагают разным инструментарием одного правового явления – уголовно-правового запрета.

В случае если законодатель в процессе легализации уголовно-правового запрета не учитывает индивидуальный уровень механизма его последующей реализации, то эффективность такого запрета стремительно падает.

Продолжение следует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бавсун, М. В. Место уголовно-правового воздействия в структуре правовой идеологии / М. В. Бавсун // Криминологический журнал ОГУЭП. – 2011. – № 4 (18). – С. 26–33.
2. Безверхов, А. Г. О действии уголовного закона в условиях межотраслевой связи / А. Г. Безверхов // LexRussica. – 2015. – Том 107, № 10. – С. 76–92.
3. Бочкарев, С. А. Философия уголовного права: постановка вопроса : монография / С. А. Бочкарев. – Москва : Норма, 2019. – 423 с. – ISBN 978-5-91768-984-5.
4. Горшенев, В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе / В. М. Горшенев. – Москва : Юрид. лит., 1972. – 258 с.
5. Еникеев, М. И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии : учебник для вузов / М. И. Еникеев. – Москва : Норма, 2005. – 311 с. – ISBN 5-89123-856-Х.
6. Козаченко, И. Я. Уголовно-правовая антропология человека / И. Я. Козаченко // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2008. – № 2 (5). – С. 58–63.
7. Кудрявцев, В. Н. Причинность в криминологии: (О структуре индивидуального преступного поведения) / В. Н. Кудрявцев. – Москва : Юрид. лит., 1968. – 175 с.
8. Маркунцов, С. А. Теория уголовно-правового запрета : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Маркунцов Сергей Александрович. – Москва, 2015. – 52 с.
9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под общей редакцией Л. И. Скворцова. – Москва : Мир и Образование, 2019. – 1370 с.
10. Ратинов, А. Р. Избранные труды / А. Р. Ратинов ; [составители М. В. Кроз, Н. А. Ратинова ; предисловие О. Д. Ситковской]. – Москва : Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2016. – 212 с.
11. Тоболкин, П. С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм / П. С. Тоболкин. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983. – 177 с.
12. Шабалин, О. М. Юридическая психология. Курс лекций : учебно-методическое пособие / О. М. Шабалин. – Пермь : ПГНИУ, 2020. – 117 с. – ISBN 978-5-7944-3544-3.

REFERENCES

1. Bavsun M.V. The place of the criminal law's influence in the structure of legal ideology. *Kriminologicheskii zhurnal OGUEP=Criminology Journal of the ONUEL*, 2011, no. 4 (18), pp. 26–33. (In Russ.).
2. Bezverkhov A.G. On the operation of the criminal law in the context of intersectoral communication. *LexRussica=Russian Law*, 2015, vol. 107, no. 10, pp. 76–92. (In Russ.).

3. Bochkarev S.A. *Filosofiya ugovnogo prava: postanovka voprosa: monografiya* [Philosophy of criminal law: posing the question: monograph]. Moscow: Norma, 2019. 423 p. ISBN 978-5-91768-984-5.
4. Gorshenev V.M. *Sposoby i organizatsionnye formy pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom obshchestve* [Methods and organizational forms of legal regulation in a socialist society]. Moscow: Yurid. lit., 1972. – 258 p.
5. Enikeev M.I. *Yuridicheskaya psikhologiya. S osnovami obshchei i sotsial'noi psikhologii: uchebnyk dlya vuzov* [Legal psychology. With the basics of general and social psychology: textbook for universities]. Moscow: Norma, 2005. 311 p. ISBN 5-89123-856-Kh.
6. Kozachenko I.Ya. Criminal law anthropology of man. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika=Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2008, no. 2 (5), pp. 58–63. (In Russ.).
7. Kudryavtsev V.N. *Prichinnost' v kriminologii: (O strukture individual'nogo prestupnogo povedeniya)* [Causality in criminology: (On the structure of individual criminal behavior)]. Moscow: Yurid. lit., 1968. 175 p.
8. Markuntsov S.A. *Teoriya ugovno-pravovogo zapreta: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Theory of penal prohibition: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2015. 52 p.
9. Ozhegov S.I. *Tolkovy slovar' russkogo yazyka: okolo 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of the Russian language: about 100,000 words, terms and phraseological expressions]. Ed. by L.I. Skvortsov. Moscow: Mir i Obrazovanie, 2019. 1,370 p.
10. Ratinov A.R. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: Akad. Gen. prokuratury Ros. Federatsii, 2016. 212 p.
11. Tobolkin P.S. *Sotsial'naya obuslovlennost' ugovno-pravovykh norm* [Social conditionality of criminal law norms]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo, 1983. 177 p.
12. Shabalin O.M. *Yuridicheskaya psikhologiya. Kurs lektsii: uchebno-metodicheskoe posobie* [Legal psychology. Course of lectures: educational and methodical manual]. Perm': PGNIU, 2020. 117 p. ISBN 978-5-7944-3544-3.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НАИЛЬ ТАЛГАТОВИЧ ИДРИСОВ – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Россия, nail070@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2310-7081>

NAIL' T. IDRISOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Dean of the Law Faculty of Saint Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Saint Petersburg, Russia, nail070@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2310-7081>

Статья поступила 11.08.2022